

РЕГИОНАЛИСТИКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

НИКОЛАЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ
ФРОЛОВ

КОНЦЕПТ «ТЮМЕНЕЦ» В РЕЧЕВОМ СОЗНАНИИ ОБЫВАТЕЛЯ

В статье делается попытка обобщения представления в народном языковом сознании слова «тюменец», связанного с квалификацией лингвистического, культурно-исторического облика жителя конкретного региона РФ.

Ставшее в последнее время весьма популярным среди филологов слово «концепт» является позднелатинским по происхождению дериватом причастия от глагола **concapere** «задумывать», «зачинять»: лат. **conceptus** «мысль», «понятие», **conceptio** «восприятие»* < **concipere** «вбирать в себя» [БСИС 2001: 314].

Русское терминопонятие «концепция», некогда означавшее «соединение», «совокупность», «зачатие», является английским заимствованием, став синонимом терминов «понятие», «знание» (ср. франц. **concept** «понятие», «замысел»). Как показала практика использования термина лингвистами, семантика слова «концепт» раскрывается посредством таких сопоставительных языковых единиц, как комплексная мыслительная единица, некая идея или смысл, как оперативная единица мысли, призванная связать результаты познания в сфере сознания, языка, речи, культуры и искусства, то есть совокупности тех духовных ценностей, которые отражают лингвоэтнический менталитет.

Предметом концептуального описания может быть собственное или нарицательное, абстрактное или конкретное слово, словосочетание, предложение, текст. При этом объектом внимания исследователя становится какой-либо аспект семантики, лексики, синтаксиса либо комплекс признаков, характеристик, позиций и т. п. В нашем случае речь идет о концепте катойконима «**тюменец**» в речевом этносознании.

Нарицательное имя существительное, используемое в устной и письменной речи для обозначения жителя г. Тюмени и в целом Тюменской области, — **тюменец**, м. р. (**тюменка**, ж. р.; **тюменцы**, мн. ч.), в терминологических тезаурусах входит в разряд катойконимов (греч. **kataikos** «обиталище», **onim** «имя», **onoma** «название», ср. немец. **Bewohnername** «обыватель», «житель»), то есть оттопонимных образований, являющихся апеллятивным именованием человека по его месту жительства или происхождению. Слово «тюменец» в разговорной речи ассоциируется с названием человека, имеющего то или иное отношение к Тюменскому региону.

Вербальные знаки «тюменец/тюменка» несомненно имеют разные оттенки значений, вбирая в себя денотативные и коннотативные компоненты, определяющие в языковом сознании и самосознании полное или неполное знание об обладателе (носителе) катойконима, оценку и самооценку этого звучащего слова. В первую очередь не следует отождествлять ассоциативные семы слова «тюменец» в речевом сознании коренного тюменца, который всегда имеет возможность подчеркнуть свое автохтонное прошлое, положительно отзываясь о своих местных родственниках и напомнить давнему либо недавно прибывшему и адаптировавшемуся переселенцу, «как жили в прошлом и как живут в настоящем соседи-тюменцы».

Ассоциации коренного тюменца естественно связаны с добрым патриархальным прошлым, возможно собственным скромным в прошлом бытом, с доброжелательным народом-тружеником, то есть с человеком, стремившимся к знанию, боголюбивым и гостеприимным, общительным и открытым, бесшабашным и выносливым. Главные качества тюменца-старожила, пожалуй, можно отыскать на перекрестке преобладающей внутренней доброты и строгости при воспитании детей, подозрительности и терпеливости (к постоянным, добровольным и вынужденным переселенцам), беспечности и безразличия к новациям.

Собирательный образ коренного тюменца был бы неполным, если не отметить в целом доброжелательный и честный характер сибиряка, независимо от его национальной принадлежности. *Русский сибиряк и сибирский татарин*, например, никогда не отличались злобностью по отношению друг к другу, хотя враждебные ситуации не исключались за все время их соседства. Их, однако, сближала непростая природная среда – **вода, земля, леса**, как и обмен материальными и духовными ценностями, уважение к устоявшимся национальным традициям.

Ментальность тюменцев из числа русских и нерусских переселенцев характеризуется той мерой адаптированности к условиям жизни, близости к чалдонам, которая связана с продолжительностью проживания пришельцев. В многочисленных исследованиях по переселению в Западную Сибирь славяноязычных, тюркоязычных и угрофинских народов достаточно полно описаны активные и перманентные, вольные и невольные факты переселенчества. Отсюда аргументы объективности причисления себя к сибирякам-тюменцам, разумеется, далеко не однозначны. Среди лингвистов принято считать усвоившим местную речь человека в третьем-четвертом поколениях, хотя и помнивших от старших в семье о своей исторической родине. Обычно такая память об этнических корнях сохраняется до ста и более лет.

В этой связи «адаптированные» тюменцы в своей ментальности имеют больше схожих черт в катойконимической характеристике, чем эндогенные тюменцы, предки которых появились в регионе свыше ста лет назад. Пожалуй, они представляют собой историко-культурное и этнолингвистическое единое целое с автохтонами, отличаясь лишь хронологическими рамками и катойконимическими реликтами в бытовых обрядах, фольклоре и диалектной речи.

К «новым» тюменцам мы относим переселенцев последних волн, то есть тех, кто оказался по «хрущевскому призыву в числе осваивавших новые (целинные) земли за Уралом, либо приехавших добровольно, либо по специальному приглашению или путевкам комсомола «разрабатывать» нефтяные и газовые месторождения, благодаря чему Тюменская область в настоящее время превратилась в долларовую кормушку государства.

Естественно, социально-экономические изменения, возрожденческие этнические коллизии, очевидные позитивные трансформации в жизни населения Тюменской области существенно дополнили и расширили ассоциативные рамки

катойконима «тюменец». Сохранив большинство из перечисленных выше положительных качеств, определявших ментальное пространство тюменского обывателя, ассоциативные семы, такие как «стабильность», «достаток», «заработок», «успех», «труд», «семья», «духовность», «прогресс», «патриотизм», «свобода», «вседозволенность» и под. занимают все больше места в народном самознании, что легко обнаруживается в местных средствах массовой информации. Любопытно, что в недавно вышедшем «Кратком словаре топонимов и топонимических ассоциаций» И. С. Карабулатовой со словом «Тюмень» зафиксированы ассоциативные знаки: **столица деревень** (12), **пельмени** (5), **деревня** (1), **грязь** (1), **тюлень** (1), **мой город** (1), **родина** (1), **Сибирь** (1), **нефть** (1), **газ** (1), **дыра** (1), **камень** (1), **болото** (1), **медвежий край** и под. [Карабулатова 2002: 98]. Приведенные ассоциативные семы, за небольшим исключением, не дают объективного представления о языковом самосознании тюменца, скорее всего, отражая представление о г. Тюмени и об образе тюменца иногороднего жителя.

Столь очевидное несовпадение содержания концепта «тюменец» как внутри-, так и внепроживающего в регионе субъекта мысли связано, видимо, с различием когнитивной компетентности, уровней его духовного развития, порядочностью и профессионализмом. Одно несомненно, что имя «*тюменец/тюменка*» обеспечивает все признаки концептов **«русская душа», «русский характер», «надежный сосед», «мирный житель», «терпеливый трудоголик».**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ

БСИС – Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. М., 2001.

Карабулатова И. С. Краткий словарь топонимов и топонимических ассоциаций. М., 2002.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Русский мир: Сборник статей: В 2 ч. Ч. 1. Пермь, 2005.

Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.

МАРИЯ
АЛЕКСЕЕВНА
РОМАНОВА,
ВАЛЕНТИНА
АНАТОЛЬЕВНА
ЗАКРЕВСКАЯ

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА ГЛАГОЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В статье рассматриваются варианты инфинитивных форм в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, причины их возникновения и география распространения.

Инфинитив, как известно, принято считать исходной формой глагола, и если при написании словарей литературного языка обычно не вызывает затруднений восстановление данной формы, то, по замечанию исследователей, в лексикографической практике составителей диалектных словарей «реконструируемая форма инфинитива подчас противоречит иллюстративным формам (например, в статье **зубить** приводится форма *зубела*, возможная лишь от глагола на *-еть...*)» [Толстая 2004: 156]. В связи со сказанным представляется актуальным описать уже выявленные в надежных контекстах формы инфинитива с раз-